

КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И ГЕШТАЛЬТ ПОСТПРАВДЫ В ПРОСТРАНСТВЕ НАРЦИССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Хлебникова Ольга Владимировна,

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории, философии и культурологии
Омского государственного университета путей сообщения,
Россия, 644046, г. Омск, пр. К. Маркса, 35*

ORCID: 0000-0002-7573-3650

hlebnikova_ov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению различных аспектов существования клипового мышления и его отдельных гешталтов. Подобное исследование выглядит достаточно актуально в контексте условной действующей философской повестки, поскольку очевидно, что наличная культурная ситуация решающим образом влияет не только на практические мыслительные алгоритмы современного человека, но и на превращение структур разума как такового. Современный человек в качестве субъекта специфического мышления демонстрирует нарциссический характер своей идентичности, раскрывающийся в определенных устойчивых интеллектуальных паттернах. Среди них можно выделить представление о существовании человека как чреде событий присвоения всего, что наличным образом оказалось охвачено данным существованием, представление об автоматизме человеческого права быть выслушанным, представление о возможности выведения прямых ссылок на личный опыт человека в качестве универсального трансцендентного основания и представление о неотъемлемом праве человека не следовать обнаруженной «истине» в случае демонстрации ее неудобного или обременительного содержания. Важнейшим гешталтом клипового мышления, функционирующим в горизонте его сущностных качеств и нарциссических паттернов, выступает постправда. В логике рассматриваемой тематики само обращение к концепту постправды является констатацией сложившейся явным порядком в современном мире ситуации, когда, с одной стороны, истина всегда менее важна, чем частный комфорт нарциссической личности, а с другой – в абсолютном смысле истина более не значима для действующих социокультурных практик. Среди наиболее значимых обстоятельств, сопровождающих действие постправды как гешталта, обращают на себя внимание следующие. Во-первых, постправда может рассматриваться как один из маркеров актуализации свойственного современному человеку стремления к социальному эскапизму. Во-вторых, феномен постправды неразрывно свя-

зан с повсеместным распространением представлений о том, что для всякого познавательного затруднения где-то существует соответствующий разрешающий все трудности операциональный алгоритм. В-третьих, постправда работает как организующий принцип глобального пространства мемов. В-четвертых, постправда является важным аспектом каждый раз заново инициируемого культурного шока, который выступает в качестве практического механизма «включения» клипового мышления и «переключения» его актов. Можно сделать вывод о том, что исследование механизмов работы гештальта постправды и связанных с ним аспектов существования клипового мышления позволяет углубить понимание многих актуальных процессов в современном социокультурном пространстве.

Ключевые слова: клиповое мышление, гештальт постправды, нарциссическая культура, идентичность, современность, интеллектуальные паттерны, потребление, мем, культурный шок, социальный эскапизм.

Библиографическое описание для цитирования:

Хлебникова О.В. Клиповое мышление и гештальт постправды в пространстве нарциссической культуры // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 3, ч. 1. – С. 195–214. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-195-214.

В настоящей статье речь пойдет о феномене постправды, рассмотренном в качестве одного из основных гештальтов, действующих в горизонте так называемого клипового мышления. В современной культурной ситуации, демонстрирующей разом торжество глобальной деконструкции в области смыслообразования как такового, неизбежность (в силу технологических изменений) ризоматических превращений любого информационного поля, разговор о постправде выглядит актуальным развитием существующей условной философской повестки.

Важнейшей составной частью данной повестки, помимо прочего, является критическое вопрошание об очевидных метаморфозах человечности в контексте становления нарциссических форм личностной идентичности, сопровождающегося когерентным превращением структур разума как такового, алгоритмов его работы и базовых гештальтов. Этот нарциссизм, порождаемый всеобъемлющим процессом индивидуации, подготовленным самой эгоцентрической и капиталистической логикой модерна, но давно уже избавившимся от оков «дисциплинарного мира» [16, с. 22, 23], обуславливает необходимость переосмысления «старых» культурных универсалий, действовавших исключительно в горизонте прежних общественных соглашений и не обладающих легитимностью в нарциссической перспективе. В подобном отношении размышление об относительно новом гештальте постправды может рассматриваться еще и как попытка рефлексии над основаниями текущих изменений одновременно человеческой природы и принципов организации культуры в целом.

Существом этой неизменно действующей корреляции между личностным и культурным нарциссизмом выступает характерное для современного человека переживание вообще бытия как места безусловной самореализации, как точки, где любой субъект воления по определению находится на уровне, соотносимом с собственными претензиями. Такой субъект фактически признает непосредственно субъектом исключительно самого себя. Его нарциссизм актуализируется в укорененной в бессознательном патологической уверенности в индивидуальной онтологической значимости, в силу которой он не испытывает ни малейшего сомнения перед лицом своего будто бы «очевидного» права принимать любое окончательное решение.

Кроме прочего, современный человек в качестве нарциссического субъекта выступает еще и в качестве актора специфического мышления, рассуждение о паттернах которого, конечно, требует отдельного внимания [21]. В частности, среди таких паттернов можно выделить, например, следующие.

1. Представление о существовании человека как о череде событий присвоения всего, что наличным образом оказалось охвачено данным существованием (прежде всего это связано, безусловно, с общим потребительским характером современной культуры). Необходимо отдавать себе отчет в том, что подобное присваивающее мышление принципиально не нейтрально, поскольку ни в один момент времени не сводимо только лишь к усилиям по конструированию алгоритмов для удовлетворения тех или иных потребностей или достижения некоторых целей, а значит, обречено непрерывно выступать инструментом превращения «приватного» в «политическое» [36, с. 83]. Таким образом, оно функционирует в собственном качестве исключительно как фокус неких всеобщих отношений должностования, в горизонте которых любое движение мысли неизбежно в итоге превращается в простое и наивное недоумение по поводу любых феноменальных отклонений от будто бы обязанной быть данной фактическим образом «эталонной» действительности. На практике чаще всего подобное недоумение воплощается во взрывах возмущения по поводу неудовлетворительного качества обслуживания (в том числе в области оказания образовательных, медицинских и прочих странных «услуг»), скрытой подоплекой которых выступает шок от неожиданно открывшегося равнодушия бытия, от той ужасающей внезапности, с которой реальность может бесцеремонно поставить человека в позицию травмированного этим обстоятельством недополучателя причитающихся ему благ.

2. Представление об автоматизме наступления человеческого права быть выслушанным, а значит, и об изначальном неразличании (переформулируем здесь постмодернистское понятие «различание») внутри собы-

тия речи, с одной стороны, возможности или невозможности хотя бы тени картезианского сомнения по поводу меры обоснованности речевых претензий на фоне конкретных свойств субъекта говорения, а с другой стороны, тождественности или нетождественности сказанного некоторому действительному смыслу, в направлении артикуляции которого вообще стоило предпринимать само усилие речи. Другими словами, нарциссический субъект никогда не сомневается в том, что он, во-первых, обладает неотъемлемым правом в любой момент инициировать значимую коммуникацию (или вмешаться в нее), а во-вторых, может всерьез рассчитывать на наличие целостного смысла во всяком высказанном им суждении на том лишь основании, что оно принадлежит ему.

3. Представление о возможности выведения прямых ссылок на личный опыт человека в качестве универсального трансцендентного основания, обращение к которому немедленно разрешает все проблемы правоты, власти и виновности, все их недосказанности и неопределенности. Иначе говоря, нарциссическая идентичность современного человека вынуждает его мыслить хаос собственного частного опыта в качестве аксиоматически заданного упорядочивающего начала всех возможных устойчивых пропозиций.

4. Представление о неотъемлемом праве человека не следовать обнаруженной «истине» (ни в области логически вытекающих из нее умозаключений, ни в сфере подразумеваемых в ее контексте поступков) в случае демонстрации ее неудобного или обременительного содержания, способного хотя бы гипотетически воспрепятствовать осуществлению «долгствования» бытия в отношении субъекта мысли. Речь идет о стремлении (и даже страсти) нарциссической личности постоянно находиться в состоянии актуального переживания собственной правоты, действительные подтверждения или опровержения которой ни в один момент времени не являются чем-то по-настоящему влиятельным, имеющим запретительный или разрешительный характер.

Указав, таким образом, на некоторые поддерживаемые всей логикой развития современной культуры нарциссические паттерны человеческого мышления, поговорим, наконец, о сопряженных с ними гештальтах.

Очевидно, что в существующем гуманитарном дискурсе сам термин «гештальт» постепенно лишается традиционных однозначно психолого-лингвистических коннотаций. В работах многих исследователей он зачастую получает всё более расширительное толкование, сводящееся в итоге к пониманию вообще гештальтов как устойчивых образований внутри человеческого сознания (и, следовательно, мышления), возникающих вследствие априорного единства восприятия. Существо данных образований является, конечно, предметом научной полемики [5, 20, 25, 34].

В горизонте последующих рассуждений о гештальте постправды здесь предлагается интерпретировать понятие «гештальт» синхронно в двух направлениях.

С одной стороны, для наилучшего понимания сути дела можно обратиться к отдельным аспектам концепции исторического априори М. Фуко. Ее содержанием выступает констатация бессознательности срабатывания любых условных исторических и культурных «грамматик» мысли, которые тавтологичным образом всегда, в любой момент времени являют собой разом и совокупный результат действия универсальной культуры, и актуализацию их априорной возможности [28, с. 188]. Таким образом, к гештальтам нужно относиться как к особым инструментам исторического и культурного видения, внутри которых формируется и обретает аксиологическую размерность как картина мира в целом, так и отдельные ее составляющие. Гештальты, следовательно, «творят» то отныне наполненное смыслом символическое пространство, внутри которого человек считает себя вправе поступать именно так, как он в итоге не может не поступить, а также мыслить себя точкой преломления всех интенций «стихии бытия» [35, с. 91].

С другой стороны, говоря о гештальтах, можно обратиться еще и к идее Р. Барта о фигурах, действующих в дискурсивных пространствах. В русле развития человеческой культуры как таковой именно дискурс (в широком понимании слова) постепенно становится той основополагающей «телесной» формой («телесность» здесь трактуется как фактическая явленность в ее отчетливой определенности), которая вообще позволяет рассуждать о феномене картины мира. Фигуры – это значимые символические структуры, «схваченные» в мгновение артикуляции того или иного дискурса и являющиеся одновременно знаками, маркирующими теперь случившийся смысл, и направляющими образами, взаимодействующими с эмоциями и памятью [3, с. 80–82]. В подобном отношении всякий гештальт, кроме прочего, есть механизм формирования дискурсивных фигур. Другими словами, гештальты обуславливают саму наглядную конкретность «телодвижений» дискурсов вообще.

Ясно, что человеческое мышление ни в один момент времени не свободно от разного рода гештальтов. Однако, говоря о мышлении, какое именно мышление мы обязаны иметь в виду здесь и сейчас? Значительная часть явных и неявных презумпций современной неклассической философии предполагает своеобразным фокусом исследования возможных актуальных гештальтов мысли феноменальное историческое и культурное превращение так называемого понятийного мышления в нечто иное, в то, что в научных работах последних лет всё чаще именуется клиповым мышлением [9, 14, 22, 33].

Необходимо уточнить, что, во-первых, в методологическом смысле сам концепт «понятийное мышление» (во всех его категориальных вариациях) является фактически квинтэссенцией эпистемологических установок классической западной философии. Именно понятийное мышление, в общем виде трактуемое как фундаментальная способность субъекта мысли рассуждать системно, связывая в устойчивые логические конструкции причины и следствия, закономерности и случайности, общее и единичное, абстрактное и конкретное, выступает одновременно предлогом, предметом и целью всех классических представлений о природе Разума, законах формальной логики, принципах диалектики, процедурных нюансах проверки знания на истинность и проч. Одна из основных сложностей бытования любых современных философских исследовательских практик состоит в том, что большинство этих классических наработок бесполезны для аналитики актуального феномена мышления (по крайней мере, бесполезны в каноническом виде), поскольку та культурная ситуация, в которой мы ныне пребываем, с очевидностью демонстрирует целый ряд случившихся явным порядком глобальных изменений во всех аспектах работы человеческого мышления вообще.

Во-вторых, термин «клиповое мышление», с помощью которого, как было сказано выше, сейчас зачастую маркируют метастратегию мысли современного человека, конечно, условен и отчасти метафоричен. Генетически его происхождение можно связать, например, с отдельными рассуждениями А. Моля о мозаичной культуре [18, с. 39] и Э. Тоффлера о клип-культуре [26, с. 57]. В российской философии одним из наиболее интересных исследователей, занимающихся изучением данной проблематики, является Ф.И. Гиренок [6]. На наш взгляд, для того чтобы любой разговор о тех или иных гештальтах мышления в целом и клипового мышления в частности стал в подлинном смысле слова предметным, необходимо прямо указать на некоторые базовые принципы функционирования собственно клипового мышления. И поскольку достаточно широкой традиции его изучения, сопоставимой по размаху и масштабу с аналогичной традицией, действующей в отношении понятийного мышления, всё еще не существует, постольку само обращение к рассмотрению гештальтов клипового мышления можно воспринимать, кроме прочего, в качестве попытки концептуального уточнения идеи клипового мышления как таковой.

Как представляется, рассуждая о клиповом мышлении, необходимо сделать акцент на следующих аспектах его существования.

1. Субъект клипового мышления, несмотря на действие нарциссических паттернов, парадоксальным образом перманентно испытывает серьезные затруднения с устойчивостью фиксации собственной идентич-

ности. Это связано, с одной стороны, с фрагментаризацией актуальных социальных и культурных практик, являющейся закономерным итогом тотальной институализации свободы как определяющей ценности в рамках современных либеральных демократий. Если воспользоваться риторикой З. Баумана, то можно добавить, что в результате очевидного «сдвига от борьбы за власть внутри рабочего места к индивидуальному соперничеству в мире потребления» [1, с. 96], чему мы все давно уже являемся свидетелями, социальные и культурные практики автоматически утратили системные смыслы, оставив сверхзадачу их генерации на произвол субъекта, действующего по большей части случайным образом. С другой стороны, в силу действия современных информационных технологий, постепенно вовлекающих в поле своего влияния всю частную жизнь человека, складывается разрушительная для всякой идентичности ситуация «шизофренического раздвоения» [12, с. 27] между личностными переживаниями и оптимизирующей логикой информационных потоков. В подобном контексте само существо клиповости мышления можно интерпретировать как инструментальную неизбежность становления субъектности исключительно в форме своеобразной конкурентной борьбы форм субъективации [29, с. 17].

2. Клиповость мышления выводит на новый уровень вопрос о глобальной способности субъекта к систематическим актам согласующегося с действительностью осознанного волеизъявления, ввне актуальной возможности «пресуществления» которой, кстати говоря, антропологическая идея вообще фактически оказывается несостоятельной. Речь, следовательно, должна идти о том, что по целому ряду причин, к которым можно отнести, к примеру, скорость функционирования информационных потоков, всегда превосходящую скорость человеческой реакции на данные процессы, естественную инертность неустойчивой идентичности, стремление субъекта к превозмоганию собственной нецелостности через хаотичное «контркультурное» отрицание любых установившихся смыслов, финальную «неразрешимость» информационного многообразия и проч. [10, с. 5, 6; 11, с. 236; 32, с. 85–88], мышление современного человека непрерывно находится в состоянии своего рода познавательного «ступора», который, по сути, не позволяет с уверенностью заявлять о том, что некое мышление, в принципе, имеет место в качестве не только социального или культурного, но и онтологического феномена.

3. Клиповое мышление не различает во всеобщем отношении состояния знания и информированности. Оно склонно их стихийно отождествлять. Одним из первых заметил это принципиальное изменение Ж.-Ф. Лиотар, который связывал его с техническими и технологическими процессами, протекающими в современном мире. По его словам, мы

живем в эпоху, внутри которой действует технологическая необходимость в так называемом операциональном знании, то есть знании, способном стать основанием производства различных благ и ценностей [15, с. 17, 18]. Представление же об операциональности знания, по сути, и есть его процедурное отождествление с некоторым объемом информации, которое выглядит удобным в перспективе будущей производственной работы с тем или иным знаниевым распределением, однако полностью искажает существо самого концепта «знание». Фундаментальным следствием подобного искажения выступает, например, стирание внятно заданных границ между профессионализмом и дилетантизмом [19, с. 34–72]. Иными словами, для субъекта клипового мышления вовсе не очевидна разница не только между условным профессионалом как носителем специального знания и таким же условным дилетантом как в той или иной мере информированным человеком, но и между реальной способностью к интеллектуальному освоению информации и простым наличием свободного доступа к ней вообще.

4. Клиповое мышление не способно быть последовательно «строгим», вследствие чего любые выводы, к которым оно приходит, по определению имеют в большей или меньшей степени сомнительный статус. Эта «нестрогость» проявляется, прежде всего, в трех важнейших аспектах. Во-первых, клиповость мышления автоматически разрушает его континуальность, то есть процессуальную непрерывность его работы, что на практике означает логическую и онтологическую невозможность отчетливого установления в каждый момент времени как предмета мысли (в его конкретности), так и пределов контекста, в котором он мыслится. Во-вторых, клиповость мышления мешает ему быть полностью логически корректным. В данном случае речь идет об изначальной неспособности такого рода мысли к системной проработке связей между посланками и суждениями, сделанными на их основании, а также между последующими и предшествующими событиями внутри заданного горизонта событий. В-третьих, клиповость мышления приводит к затруднениям в области построения действительных распределений фактов, в силу чего аналогичные сложности возникают и в поле оценки действительной же значимости опирающихся на них обобщений. Другими словами, клиповое мышление в силу своей глобальной нецелостности зачастую игнорирует как идею достаточного основания, так и идею ограниченного характера закономерностей.

5. Клиповое мышление при любом удобном случае заменяет логическое аффективным. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что само существо клиповости, помимо прочего, заключается в апелляции не к рациональному осмыслению случившегося опыта, а к возможностям визу-

ализирующего мир воображения, которое всегда эмоционально окрашено [6, с. 22–36]. С другой стороны, мышление, для того чтобы вообще функционировать в своем качестве, с очевидностью нуждается одновременно в предметном субстрате, на основе которого оно делает свои выводы, и в аксиоматических отсылках, которые позволяли бы ему доверять собственным конструкциям в принципе. В ситуации рассматриваемой «клиповости» мышления (в единстве ее описанных выше проявлений) у него не остается другого выхода, кроме как опираться на эмоционально, а не действительно значимую предметность и перманентно выводить личностную эмоциональную специфичность в виде новой трансцендентности (данное обстоятельство, конечно, усиливается еще и срабатыванием нарциссических паттернов). Таким образом, происходит фактически замещение систематического ажитационным.

Как было заявлено ранее, на наш взгляд, одним из важнейших гештальтов, действующих в контексте клипового мышления, является гештальт постправды. Термин «постправда» распространился в философском поле относительно недавно (изначально им пользовались в своих целях исключительно журналисты), и поэтому сложно говорить о возможности немедленного построения его строгого, окончательного определения. Тем не менее необходимо отметить, что в русле рассматриваемой тематики возникновение концепта постправды выступает своеобразной констатацией сложившейся явным порядком в современном мире ситуации, когда, с одной стороны, истина всегда менее важна, чем частный комфорт нарциссической личности (о чем упоминалось ранее), а с другой – в абсолютном смысле истина более не значима для действующих социокультурных практик, она отныне вообще не стоит на повестке дня, ничего не объясняет и никого ни к чему не обязывает [37, р. 5]. В зеркале постправды она превращается всего лишь в «название бренда, вечно нуждающегося в продукте, который купит каждый» [30, с. 52].

Также необходимо отметить, что в некотором смысле термин «постправда» структурно соотносится с термином «постмодерн» в том отношении, что оба понятия изначально были сформулированы для того, чтобы указать на отдельные особенности состояния, в котором пребывает современная культура в целом. Важнейшей из этих особенностей является столкновение с эмерджентными эффектами модерна, исторически оказавшимися абсолютно разрушительными для всех его программных заявлений и идеологического пафоса. Фактически сами идеи постмодерна и постправды порождены одним и тем же событием осознания неизбежности финального распада любых генерализирующих современных порядков в бесконечных множествах претендующих на уникальность смысловых частных. По сути, модерн становится постмодерном, когда метанарративы вы-

ходят из моды [31, с. 112, 113], а истина обращается постправдой, когда бытие становится симулякром.

Возвращаясь же к разговору о гештальтах мышления, необходимо заметить, что именно истина выступала в качестве определяющего онтологического, эпистемологического и аксиологического ориентира, на котором замыкались все сущностные интенции и прогностические ожидания понятийного мышления. Иначе говоря, такого сорта мышление непрерывно актуализировало гештальт истины как решающий фактор осуществления окончательной проверки и самопроверки на предмет общей жизненной соотнесенности субъекта мысли (а равным образом и всех сконструированных им дискурсов) с подлинным бытием. Безусловно, направлявшей максимой реализации подобной процедуры по праву могло считаться известное высказывание Р. Декарта об автоматизме следования существованию за мышлением. Что касается клипового мышления, то действующий в нем гештальт постправды симулирует логически сходную функцию: за счет него включается агрессивное стремление нарциссического субъекта заявить путем изобретения конгениальных ему символических рядов о своем исключительном праве на обладание всем сущим. Агрессия здесь выступает естественной формой конкурентной борьбы между потенциальными собственниками реального.

Среди наиболее важных обстоятельств, сопровождающих действие гештальта постправды, обращают на себя внимание, прежде всего, следующие.

1. Постправда может рассматриваться как один из маркеров актуализации стремления к социальному эскапизму, свойственного современному человеку. В рамках неклассической философии данное стремление неоднократно становилось предметом специальной рефлексии. Э. Фромм связывал его с чрезмерностью фактической свободы, обрушившейся в наши дни на среднестатистического индивидуума, который, на самом-то деле, далеко не в каждый момент существования способен служить достойным и достаточным воплощением нищепанской воли к власти, в силу чего опять-таки не всегда в состоянии выдерживать груз связанной со свободой ответственности. В таком случае эскапизм является своего рода попыткой сублимации онтологической невозможности выбрать свободу в форме отказа от нее. Ж. Делез указывает на стремление к социальному эскапизму как на зачастую единственный доступный современному человеку способ спасения от обезличивания в толпе, рывок к соблазнительной периферии, уберегающей личность от растворения в нормативности всеобщего посредством погружения в шизофрению частного [8, с. 50, 51]. И в этом контексте социальный эскапизм можно трактовать еще и как оборотную сторону становящегося нарциссизма,

поскольку пребывание в нравственных провинциях требует от человека нешутящего усилия к самолюбованию.

Общая клиповость мышления, конечно, отягощает данные процессы, превращая их в элемент навязчивого, довлеющего гештальта, так как, по сути, подобного рода мышление никогда (по определению) не является ни непрерывным потоком, ни системой, собственно, актов мысли, представляя собой лишь их неорганизованное множество (причем акты мысли тут включаются или выключаются совершенно спонтанно по тем или иным аффективным причинам). В определенном отношении субъект такого мышления, склонного к незапланированному распаду в каждый момент времени, обречен на одиночество внутри момента «включения» мысли. Постправда, таким образом, отчасти манифестирует решимость этого субъекта бороться (ради ощущения самого себя живым) за понравившееся реальное невзирая на здравый смысл и объективные социальные необходимости (подкреплять эту решимость соответствующими действиями, безусловно, удобнее в одиночестве по причине возможности избегания любых не необходимых ситуаций конкурентной борьбы). И если Сократ был готов «скорее встретиться лицом к лицу со смертью, чем отказаться говорить правду» [27, с. 81], то герой нашего времени, вероятно, был бы глубоко оскорблен и напуган любым обращенным к нему призывом объяснить по поводу личных предпочтений в области излюбленных версий постправды.

2. Феномен постправды неразрывно связан с повсеместным распространением иллюзий о том, что для всякого познавательного затруднения где-то существует соответствующий разрешающий все трудности операциональный алгоритм (при этом вообще понятие «специалист» трактуется как «знаток алгоритмов»). Такая убежденность проистекает, конечно, из техногенного характера цивилизации, под давлением которого клиповое мышление зачастую срабатывает как чистая техническая система.

Нельзя забывать и о том, что любое современное информационное поле потенциально бесконечно. Предметность, становящаяся сейчас объектом целенаправленного осмысления, немедленно порождает неисчерпаемое количество коннотаций и грядущих дискурсивных фигур, влияет на установившиеся терминологические тезаурусы и формирует новые. В наши дни нет никакой возможности говорить о наличии некоторого минимума значимой информации, которая гипотетически должна была бы быть известной всем (точнее, серьезная попытка выделить такой минимум сразу же стала бы нерешаемой логической и методологической проблемой) [17]. В силу этого любая информация изначально вызывает недоверие, проистекающее из принципиальной неопределенности оснований того или иного будущего информационного

выбора. Это означает, помимо прочего, что в современном социокультурном пространстве (с точки зрения рядового потребителя информации) могут существовать только случайным образом появившиеся или самоназначенные авторитетные инстанции, ответственные за устойчивые информационные распределения. Именно поэтому сейчас порой о тенденциях мировой политики всерьез свидетельствуют бьюти-блогеры, а о квантовой научной картине мира авторитетно рассуждают популярные певцы. Клиповое мышление, функционирующее в согласии со своими нарциссическими паттернами, находит в подобной технологически сложившейся ситуации глобальное экзистенциальное подтверждение (и оправдание) собственным чаяниям и претензиям. В таких условиях гештальт постправды действует как реализованная надежда на личное превращение в общепризнанного носителя авторитетности, то есть на попадание в тренды или/и на становление в качестве разработчика модных операциональных алгоритмов. В этом контексте к постправде можно относиться еще и как к востребованной форме рекламы определенного образа жизни.

3. Постправда работает как организующий принцип глобального пространства мемов. В данном случае термин «мем» означает отсылку одновременно к перманентной визуализации информации (с чем человечество в наши дни постоянно имеет дело в силу принципов работы существующих технологий ее передачи, хранения и обработки), к актуальным культурным кодам, воплощенным в некоторых узнаваемых образах, и к элементам информационного «фольклора», наглядно демонстрирующим содержимое области условно «общеизвестного» (речь идет об актуализации в мемах своего рода коллективного информационного бессознательного) [23, с. 76]. Кроме прочего, именно в мемах в наибольшей степени отображается клиповость мышления, в них она становится физически зримой. Если же отдать себе отчет в том, что подобная ситуация фактически означает, что смыслы, не способные быть визуализированными, либо смыслы с потенциально ограниченными возможностями визуализации в современной социокультурной среде по определению выглядят недостаточно значимыми, то станет ясно, что сейчас вообще категория «смысл» может трактоваться исключительно как событие, которое выталкивается на «поверхность» бытия из его «глубины» уже самим языком описания этого смысла [7, с. 40]. Иначе говоря, смысл, которому непрерывно угрожают визуализацией, обречен в итоге превратиться в мем.

У подобной визуализации, как нам кажется, есть два важных, хотя и неочевидных последствия. С одной стороны, она влечет за собой эстетизацию восприятия как такового (восприятия, понятого как единство ашпер-

цепции), что приводит к формированию представления о том, что только эстетические оценки случившихся смыслов имеют право на существование, что, в свою очередь, изначально дискредитирует этические, содержательные, формально-логические и иные оценки. Это ведет в конечном счете к складыванию отношения к любым видам узнаваемости и внешней привлекательности как к определяющим факторам вероятной авторитетности. С другой стороны, дополнительным эффектом подобной эстетизации является превращение языков описания смыслов в системы по большей части риторических высказываний. Риторика здесь выступает наглядным маркером отсутствующей теперь глубины смыслов, ее замещением. Риторика становится одновременно естественной и зачастую единственной антитезой молчания, а также симптомом распада самой возможности серьезной аналитики. Таким образом, гештальт постправды можно считать еще и формой возобновления видимой привлекательности ее же собственных смыслов (ведь надо понимать, что в отличие от истины, в отношении которой закономерен расчет на устойчивость заявленных внутри нее презумпций, постправда работает исключительно в горизонте непрерывных и спонтанных «соблазнительных» символических демонстраций [4, с. 116–126]).

4. Постправда является значимым аспектом каждый раз заново инициируемого культурного шока, который, по сути, выступает в качестве своеобразного практического механизма «включения» клипового мышления и «переключения» его актов. В данном случае под термином «культурный шок» подразумевается указание на то, что в силу перенасыщенности современного социокультурного пространства (визуализированной) информацией тот или иной конкретный ее объем может стать предметом всегда «внезапной», аффектированной мысли только по причине шокирующей привлекательности этого объема. Ситуация культурного шока, следовательно, есть ситуация игры смыслами в целях составления их наиболее эпатажирующих комбинаций. Эпатаж такого рода имеет две размерности. Во-первых, его уровень постоянно должен быть достаточен для того, чтобы клиповое мышление вообще срабатывало в собственном качестве, а во-вторых, его задачей, помимо прочего, является развешивание тотальной скуки, которая с неизбежностью настигает субъекта подобной мысли, поскольку ни погружение в личные аффекты, ни растворение в нарциссическом самолюбовании не способны в итоге возместить человеку экзистенциальную утрату его распадающейся идентичности, его «персональных смыслов» [24, с. 37]. Надо осознавать также и то обстоятельство, что любой шок по-настоящему шокирует только однажды, поэтому, по сути, речь идет о том, что культурный шок никогда не существует в виде законченного события, а только как бесконечная серия. Заметим «в скобках», что

данный факт согласуется с общей конфигурацией существования современной техногенной капиталистической цивилизации, в которой всякое случившееся инициируется именно предварительным попаданием в ряд неотвратимых гипотетических перемен [13, с. 15–38]. Другими словами, в современном мире вообще ни одно событие (включая, конечно, культурный шок) не самодостаточно, любое событие всегда выступает лишь очередным изменением в бесконечном ряду всего того, что обречено (движением капитала, техническим прогрессом, модой или просто необходимостью покинуть, как говорит З. Бауман, очередное «неместо» [2, с. 111–113]) измениться.

Постправда здесь играет роль условной последней надежды, за которую хватается субъект клипового мышления в порыве, с одной стороны, совладать с ускользящим от какого бы то ни было вероятного контроля потоком изменений, и с другой – найти хоть какое-то основание для уверенности в том, что случившееся действительно случилось, а сказанное – сказалось. Причем внутри самой логики разворачивания постправды, естественно, предполагается, что эти контроль и уверенность могут быть обретенны (хотя бы теоретически) непременно в «веселой», развлекающей, интересной и т. п. форме. В таком контексте гештальт постправды предстает не только попыткой субъекта мысли вечно оставаться («веселья» ради) в поле громких и шокирующих публичных заявлений, но и стремлением сублимировать в нарочитой игре смертельно серьезными, на самом-то деле, вещами родовую травму пустоты имеющихся в наличии смыслов и их дискурсов.

Таким образом, необходимо заключить, что исследование механизмов работы гештальта постправды и связанных с ним аспектов существования клипового мышления вообще позволяет углубить понимание многих актуальных процессов, проистекающих в современном социокультурном пространстве.

Литература

1. Бауман З. Свобода. – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с.
2. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. – М.: Ad Marginem, 2002. – 432 с.
4. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – 318 с.
5. Бочарников В.Н. Конструкт и гештальт – неоинструментальные средства гуманитарной науки // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 2. – С. 150–157.
6. Гириенок Ф.И. Клиповое сознание. – М.: Проспект, 2015. – 534 с.
7. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Академический проект, 2011. – 472 с.
8. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.

9. Докука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 2. – С. 169–176.
10. Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки. – М.: Европа, 2014. – 280 с.
11. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. – М.: Дело, 2014. – 528 с.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
13. Кляйн Н. Доктрина шока. – М.: Хорошая книга, 2009. – 656 с.
14. Козлова О.Д., Киндеркнехт А.С. Феномен клипового мышления: между стереотипом и ризомой // *Вопросы философии*. – 2018. – № 2. – С. 39–45.
15. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
16. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – СПб.: В. Даль, 2001. – 334 с.
17. Мартишина Н.И. Базовый уровень знаний как объект нормирования в системе образования // *Высшее образование в России*. – 2015. – № 3. – С. 98–104.
18. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 406 с.
19. Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. – М.: Эксмо, 2019. – 368 с.
20. Новрузова С.В.К. Гештальт как один из типов концептов // *Балтийский гуманитарный журнал*. – 2020. – Т. 9, № 1. – С. 266–269.
21. Ореховский П.А., Разумов В.И. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // *Идеи и идеалы*. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 84–102.
22. Пендикова И.Г. Клиповое и концептуальное мышление как разные уровни процесса мышления // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. – 2016. – № 1. – С. 53–56.
23. «Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Поповой. – СПб.: Скифия-принт, 2018. – 216 с.
24. Свендген А. Философия скуки. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 256 с.
25. Словицова Е.А. Гештальт-синергетический подход к исследованию дискурсивного смыслового пространства // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2011. – № 17. – С. 138–143.
26. Тобфлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2004. – 557 с.
27. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими. II. – СПб.: Наука, 2014. – 358 с.
28. Фуко М. Слова и вещи. – СПб.: А-сад, 1994. – 406 с.
29. Фуко М. Управление собой и другими. – СПб.: Наука, 2011. – 432 с.
30. Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. – М.: Высш. шк. экономики, 2021. – 368 с.
31. Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений. – М.: Высш. шк. экономики, 2021. – 576 с.

32. Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. – М.: Добрая книга, 2007. – 456 с.
33. Шеметова Т.Н. Клиповое интернет-сознание как тип пралогического мышления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 4. – С. 254–259.
34. Шукуров Ш.М. Гештальт и теория видения // Историческая психология и социология истории. – 2009. – Т. 2, № 1. – С. 154–179.
35. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. – СПб.: Наука, 2000. – 539 с.
36. Яцино М. Культура индивидуализма. – Харьков: Гуманитарный центр, 2012. – 280 с.
37. McIntyre L.C. Post-truth. – Cambridge, MA: MIT Press, 2018. – 216 p.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022.

Статья прошла рецензирование 20.02.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-195-214

CLIP THINKING AND POST-TRUTH GESTALT IN THE SPACE OF NARCISSISTIC CULTURE

Khlebnikova, Olga,

Dr. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,

Professor of the Department of History, Philosophy and Cultural Studies,

Omsk State Transport University,

35 K. Marx Avenue, Omsk, 644046, Russia

ORCID: 0000-0002-7573-3650

hlebnikova_ov@mail.ru

Abstract

The article considers various aspects of the existence of clip thinking and its individual gestalts. Corresponding study looks quite relevant in the context of an actual philosophical agenda, since the current cultural situation decisively affects not only the practical thought algorithms of a modern person, but also the transformation of the structures of Reason as such. Actually, a modern person, as a subject of specific thinking, first of all, demonstrates the narcissistic nature of his/her identity, which is revealed in certain stable intellectual patterns. These patterns include the idea of a person's existence as a series of events of appropriation of everything that was captured by this existence, the idea of the automaticity of the onset of the human right to be heard, the idea of the possibility of deriving direct references to an individual's personal experience as a universal transcendental basis and the idea of the inalienable right of a person not to follow the discovered "truth" at will. The most important gestalt of clip thinking, functioning in the horizon of its essential qualities and narcissistic patterns, is post-truth. The very appeal to the concept of post-truth is a statement of the prevailing clear order in the modern world of a situation where on the one hand truth is always less important than the private comfort of a narcissistic personality, and on the other hand truth is no longer significant for the acting sociocultural practices. Among the most significant circumstances accompanying the action of post-truth as a gestalt, it needs to pay attention to the following. First, post-truth can be considered as one of the markers of the actualization of the desire for social escapism, which is characteristic of a modern man. Secondly, the phenomenon of post-truth is inextricably linked with the widespread dissemination of ideas that for any cognitive difficulty somewhere there is an appropriate operational algorithm that resolves all difficulties. Third, post-truth works as the organizing principle of the global meme space. Fourthly, post-truth is an important aspect of that each time anew initiated culture shock, which acts as a practical mechanism for "switching on" clip thinking and "switching" its acts. It can be concluded that the study of the mechanisms of the post-truth gestalt and the related aspects of the existence of clip thinking makes it possible to deepen the understanding of many relevant processes occurring in the modern sociocultural space.

Keywords: clip thinking, post-truth gestalt, narcissistic culture, identity, modernity, intellectual patterns, consumption, meme, culture shock, social escapism.

Bibliographic description for citation:

Khlebnikova O. Clip 'Thinking and Post-Truth Gestalt in the Space of Narcissistic Culture. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 1, pp. 195–214. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-195-214.

References

1. Bauman Z. *Svoboda* [Freedom]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. 132 p. (In Russian).
2. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p. (In Russian).
3. Barthes R. *Fragmenty rechi vlyublennogo* [Fragments of a Lover's Speech]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2002. 432 p. (In Russian).
4. Baudrillard J. *Soblažen* [Seduction]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 318 p. (In Russian).
5. Bocharnikov V.N. Konstrukt i geshtal't – neoinstrumental'nye sredstva gumanitarnoi nauki [Construct and Gestalt – Neo-instrumental Means of Humanitarian Science]. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian Vector*, 2014, no. 2, pp. 150–157.
6. Girenok F.I. *Klipovoe soznanie* [Clip Consciousness]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 534 p.
7. Deleuze G. *Logika smysla* [Logic of Sense]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2011. 472 p. (In Russian).
8. Deleuze G. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., Moscow, Astrel' Publ., 2010. 895 p. (In Russian).
9. Dokuka S.V. Klipovoe myshlenie kak fenomen informatsionnogo obshchestva [Video Clip Thinking]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, 2013, no. 2, pp. 169–176.
10. Žižek S. *Nakanune Gospodina: sotryasaya ramki* [On Eve of Master: Shaking Framework]. Moscow, Evropa Publ., 2014. 280 p. (In Russian).
11. Žižek S. *Shchekotlivyi sub'ekt: otsutstvuyushchii tsentr politicheskoi ontologii* [Delicate Subject: Absent Center of Political Ontology]. Moscow, Delo Publ., 2014. 528 p. (In Russian).
12. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, HSE Publ., 2000. 608 p. (In Russian).
13. Klein N. *Doktrina shoka* [Shock Doctrine]. Moscow, Dobraya kniga Publ., 2009. 656 p. (In Russian).
14. Kozlova O.D., Kinderknekht A.S. Fenomen klipovogo myshleniya: mezhdou stereotipom i rizomoi [Clip Thinking Phenomenon: between Stereotype and Rhizome]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 39–45. (In Russian).
15. Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [State of Postmodernity]. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 160 p. (In Russian).

16. Lipovetsky G. *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [Era of Emptiness. Essays on Contemporary Individualism]. St. Petersburg, V. Dal' Publ., 2001. 334 p. (In Russian).
17. Martishina N.I. Bazovyi uroven' znaniï kak ob'ekt normirovaniya v sisteme obrazovaniya [Basic Level of Knowledge as Object of Standardization in Education System]. *Vysšee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2015, no. 3, pp. 98–104. (In Russian).
18. Moles A. *Sotsiodinamika kul'tury* [Sociodynamics of Culture]. Moscow, Progress Publ., 1973. 406 p. (In Russian).
19. Nichols T. *Smert' ekspertizy: kak internet ubivaet nauchnye znaniya* [The Death of Expertise: The Campaign against Established Knowledge and Why It Matters]. Moscow, Eksmo Publ., 2019. 368 p. (In Russian).
20. Novruzova S.V.K. Geshtal't kak odin iz tipov kontseptov [Gestalt as One of the Types of Concepts]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2020, vol. 9, no. 1, pp. 266–269.
21. Orekhovskiy P.A., Razumov V.I. Nastuplenie nartsissicheskoi kul'tury: posledstviya dlya obrazovaniya, nauki i politiki [The Onset of Narcissistic Culture: Consequences for Education, Science and Politics]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 84–102.
22. Pendikova I.G. Klipovoe i kontseptual'noe myshlenie kak raznye urovni protsesa myshleniya [Clip and Conceptual Mindsets as Different Levels of Thinking]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, 2016, no. 1, pp. 53–56.
23. Popova O.V., ed. *«Politika postpravdy» i populizm* [Post-truth Politics and Populism]. St. Petersburg, Skifiya-print, 2018. 216 p.
24. Svendsen L. *Filosofiya skuki* [Philosophy of Boredom]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2007. 256 p. (In Russian).
25. Slovikova E.L. Geshtal't-sinergeticheskii podkhod k issledovaniyu diskursivnogo smyslovogo prostranstva [Gestalt-Synergistic Approach to the Study of Discursive Semantic Space]. *Vestnik Chebysinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chebysinsk State University*, 2011, no. 17, pp. 138–143.
26. Toffler A. *Future Shock*. New York, Random House, 1970 (Russ. ed.: Toffler A. *Shok budushchego*. Moscow, AST Publ., 2004. 557 p.).
27. Foucault M. *Muzhestvo istiny. Upravleniye soboi i drugimi. II* [Courage of Truth. Self and Other Control. II]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 358 p. (In Russian).
28. Foucault M. *Slova i veshchi* [Words and Things]. St. Petersburg, A-cad Publ., 1994. 406 p. (In Russian).
29. Foucault M. *Upravleniye soboi i drugimi* [Self and Other Control]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 432 p. (In Russian).
30. Fuller S. *Post-truth: Knowledge as a power game*. New York, Anthem Press, 2018 (Russ. ed.: Fuller S. *Postpravda: znanie kak bor'ba za vlast'*. Moscow, HSE Publ., 2021. 368 p.).

31. Harvey D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Wiley, 1989 (Russ. ed.: Kharvi D. *Sostoyanie postmoderna: issledovanie istokov kul'turnykh izmenenii*. Moscow, HSE Publ., 2021. 576 p.).
32. Heath J., Potter A. *Bunt na prodazhu* [Riot for Sale]. Moscow, Dobraya kniga Publ., 2007. 456 p. (In Russian).
33. Shemetova T.N. Klipovoe internet-soznanie kak tip pralogichnogo myshleniya [Video Clip Online Consciousness as a Type of Pre-Logical Thinking]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachensky State University of Nizhni Novgorod*, 2013, no. 4, pp. 254–259.
34. Shukurov Sh.M. Geshtal't i teoriya videniya [Gestalt and Vision Theory]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology and Sociology*, 2009, vol. 2, no. 1, pp. 154–179.
35. Jünger E. Rabochii. Gospodstvo i geshtal't. Total'naya mobilizatsiya. O boli [Worker. Domination and Gestalt. Total Mobilization. About Pain]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 539 p. (In Russian).
36. Jacyno M. *Kul'tura individualizma* [Culture of Individualism]. Kharkov, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2012. 280 p. (In Russian).
37. McIntyre L.C. *Post-truth*. Cambridge, MA, MIT Press, 2018. 216 p.

The article was received on 11.01.2022.

The article was reviewed on 20.02.2022.